

DOI: 10.24412/2618-6888-2021-26-126-139

В.И. Балакин

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ, КИТАЙ И ЕВРАЗИЙСКАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

Аннотация. Российская государственность представляет собой стержневой элемент системы региональной безопасности, когда меняется весь комплекс международных отношений, складывавшийся на протяжении нескольких десятилетий. В создавшихся условиях на фоне углубляющегося кризиса коллективного Запада объективно становится еще более рельефной роль российской цивилизации, в утверждении которой особое место занимает российское государство, вобравшее в себя опыт западного и восточного мира. Одной из главных особенностей российской цивилизации является способность сохранять единство российского государства-континента с его специфической срединной евроазиатской культурой.

В основе российской государственности лежит идея достижения цивилизационного геополитического единства Евразии на пути синтеза национальной идентичности каждого из евроазиатских народов и превращения континента в своеобразную полиэтническую нацию. Национальная идентичность Евразии переполнена парадоксами, обусловленными спецификой многовековых экономических, культурных и социальных связей. России в связи с этим следует прикладывать значительные усилия для демонстрации реальной независимости своего геополитического курса, а с учетом богатого культурного наследия — продвигаться в перспективном направлении укрепления национальной государственности. С точки зрения

региональной безопасности в Евразии, Россия выступает как ее единственный гарант, особенно для стран, которые имеют серьезные противоречия с США и стремятся сохранить стабильность на своей территории. Ускоряющаяся перекройка региональной политической архитектуры обостряет международную конкуренцию, стимулирует евроазиатскую интеграцию, способствует укреплению принципа государственного суверенитета. Крупные цивилизационные приоритеты на огромном евроазиатском континенте в своей основе сводятся к национальным целям устойчивого развития практически каждого расположенного здесь государства, стремящегося продемонстрировать непрерывную историческую преемственность в реализации общих геополитических задач прошлого, настоящего и будущего. Россия нацелена на поддержание и даже целенаправленное выстраивание того образа мироздания, который не основан на некой искусственной идентичности, а ориентирован на развитие мира как всечеловеческой солидарной общности в ее разнообразных и неповторимых вариантах.

Ключевые слова: Россия, государственность, Запад, Евразия, геополитика, интеграция.

Автор: Балакин Вячеслав Иванович, кандидат юридических наук, доцент ВАК, ведущий научный сотрудник Центра исследований проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН. E-mail: viacheslavbalakin@rambler.ru; prof_bvi@mail.ru

V.I. Balakin

Russia's statehood, China and Eurasian regional integration

Abstract. Russian statehood is a pivotal element of the regional security system, when the entire complex of international relations, which has evolved over several decades, is changing. Under these conditions, against the background of the deepening crisis of the collective West, the role of Russian civilization is objectively becoming even more pronounced, in the establishment of which the Russian state occupies a special place, which has absorbed the experience of the Western and Eastern world. One of the main features of Russian civilization is the ability to preserve the unity of the Russian continent state with its specific middle Eurasian culture. At the heart of Russian statehood is the idea of achieving the civilizational geopolitical unity of Eurasia within the framework of the synthesis of the national identity of each of the Eurasian peoples and the transformation of the continent into a kind of multinational nation. The national

identity of Eurasia is replete with paradoxes caused by centuries of economic, cultural and social ties. In this regard, Russia should make significant efforts to demonstrate the real independence of its geopolitical course, and, taking into account its rich cultural heritage, move in the promising direction of strengthening its national statehood. From the point of view of regional security in Eurasia, Russia acts as its only guarantor, especially for countries that have serious contradictions with the United States and seek to maintain stability on their territory. The accelerating reshaping of the regional political architecture exacerbates international competition, stimulates Eurasian integration, and helps to strengthen the principle of state sovereignty. Major civilizational priorities on the huge Eurasian continent are basically reduced to the national goals of sustainable development of practically every state located here, striving to demonstrate continuous historical continuity in the implementation of geopolitical tasks of the past, present and future. Russia seeks to support and even purposefully build that image of the universe, which is not based on some kind of artificial identity, but is focused on the development of the world as a comprehensive solidary community in its various but unique versions.

Keywords: Russia, statehood, West, Eurasia, geopolitics.

Author: Vyacheslav I. BALAKIN, Ph.D. (Law), Associate Professor, Leading Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: viacheslavbalakin@rambler.ru; prof_bvi@mail.ru

Интеграционные процессы на континенте Евразия

Евразийская интеграция имеет серьезное геополитическое значение, поскольку Евразия является средоточием наиболее древних цивилизаций мира, а проживает здесь более двух третей населения планеты (около 4,8 млрд человек), производящих практически половину мирового ВВП (порядка 40 трлн долл). Актуальнейшей темой современной Евразии является континентальная интеграция, направленная на глубокое взаимопроникновение и взаимопереплетение ранее обособленных регионов Восточной, Южной, Центральной Азии, постсоветского пространства, Центральной и Западной Европы [Libman, p. 16]. Следует подчеркнуть, что реально продолжающиеся процессы интеграции между государствами в отдельных макрорегионах Евразии все более стимулируются общекоонтинент-

тальной интеграцией, которая в основном связана с так называемой интеграцией снизу. Сегодня большинство экспертов сходится во мнении, что реальную всеобъемлющую интеграционную структуру на евроазиатском континенте вряд ли удастся увидеть в обозримой перспективе, ибо для ее появления нет объективных оснований, а главное — в этой структуре отсутствует хоть какая-то реальная необходимость. Как правило, интеграционные процессы подобного масштаба всегда выстраиваются в силу стремления крупнейших континентальных держав, таких как Россия, Китай, Индия, Германия, Франция, сформировать общую инфраструктуру, которая состояла бы из региональных проектов, представляющих собой не абсолютно взаимоисключающий, а скорее взаимодополняющий характер.

Современные глобальные вызовы обостряют конкурентную борьбу за ресурсы, транспортные коридоры, рынки сбыта товаров, однако все это происходит на фоне нарастания природных социальных и техногенных катаклизмов, а особое жесткое геополитическое противоборство разворачивается именно вокруг материка Евразия. Геополитическая экспансия Запада на евроазиатском континенте преследует цель создать устойчивые плацдармы с тем, чтобы США смогли внедрить свои подконтрольные элиты в конкретные евроазиатские государства для подрыва в этих странах реальной стабильности и безопасности путем расширения обширной сети внешнего влияния на развитие политических событий и в различных регионах евроазиатского континента [Luks, p. 73]. Фактически предпринимаются целенаправленные попытки переформатировать геополитическое пространство от Тихого до Атлантического океана, наращиваются усилия по нейтрализации национальных потенциалов ведущих государств континента, прежде всего России, Китая и Индии. Что касается Российского государства, то ему по «американским лекалам» предписаны планы изменения этно-социального состава населения страны в пользу выходцев из южных республик СНГ, ориентируясь на перекройку российских границ, создание новых военно-политических союзов антироссийской направленности. Отдельные международные эксперты подчеркивают, что, например, в Москве, численность русского населения последовательно сокращается, а уровень нелегальной миграции кратно

превышает число зарегистрированных мигрантов и это явно исторически напоминает миграционные процессы, когда произошла реальная трансформация христианской Византии в мусульманскую Османскую империю.

Российское государство в настоящее время должно в полной мере осознавать, что на континенте Евразия сложилось множество разнообразных многосторонних и двусторонних форматов политического сотрудничества, которые в повседневной реальности объективно формируют серьезные очаги международной напряженности. Российская Федерация старается проводить на европейском континенте взвешенный геополитический курс сбалансированного сотрудничества со всеми государствами, ориентирующимися на равноправное инвестиционное сотрудничество и не стремящимися выставлять какие-либо особые политические условия. Фундаментальным аргументом для России повышать свою стратегическую значимость на евроазиатском пространстве служит соблюдение жизненно важных национальных интересов, а также сохранение цивилизационной идентичности русского мира. Российское руководство отдает себе полный отчет относительно неизбежности коренного изменения в ближайшем десятилетии сложившегося мирового порядка, который усугубляет продолжающийся финансово-экономический кризис, стимулирует достаточно мощный технологический сдвиг, подтачивает эффективность многих национальных и международных институтов и в первую очередь — в рамках Организации Объединенных Наций. В складывающихся условиях вряд ли можно надеяться на реальную перспективу формирования единой Евразии, поскольку ее составляют явно и откровенно противостоящие друг другу давно сложившиеся традиционалистские цивилизации, целенаправленно возрождающие собственную историческую идентичность [Kozaki, p. 14].

В России считают, что ухудшение отношений с коллективным Западом представляет собой долгосрочный тренд, однако данное явление позволит российскому государству сформулировать такую экономическую стратегию, которая безусловно фундирует претензии Москвы на роль одного из главных центров политического влияния на евроазиатском континенте. Российское государство стремится реализовать на просторах континента Евразия идею парт-

нерства цивилизаций с перспективой многоуровневой интеграционной модели. Здесь постепенно начинает формироваться некое ядро новой мировой цивилизации и нового мирового порядка, предполагающих становление региональной экономической модели, основанной на усилении геополитического влияния Китая и повышении значения российско-китайского взаимодействия на евразийском континенте. Нынешнее сближение между Россией и Китаем представляется весьма убедительным аргументом в пользу того, что руководство обеих стран все более убеждается в высоком уровне способности РФ и КНР противостоять давлению коллективного Запада при полном понимании невозможности для двух государств в одиночку конкурировать с формируемыми США агрессивными военно-политическими альянсами [Graham, p. 18]. Это в значительной степени реально меняет геополитическую ситуацию в Евразии, поскольку объективно запускается процесс стратегического сближения двух цивилизационных сущностей, претендующих на реальную финансовую самодостаточность при заметном росте недоверия к долларовой системе взаимных расчетов и инвестиционных ресурсов.

Россия внимательно отслеживает геополитические процессы, развивающиеся на евразийском пространстве, поскольку присутствуют серьезные риски в контексте китаецентричной логистической инициативы «Пояс и путь» (ИПП). Кроме того, российские стратегические интересы напрямую затрагивают возникновение и последовательное укрепление так называемого западного вектора китайской экспансии, проявляющейся, в частности, в расширении инвестиционной активности КНР в странах Восточной Европы. Как представляется, для Москвы принципиально важно блокировать попытки Запада стратегически закрепиться в регионе Центральной Азии, для чего необходимо предотвращать приход к власти в бывших среднеазиатских республиках прозападных элит. На этом направлении присутствуют реальные возможности взаимопонимания с Пекином [Ху, p. 101]. Важнейшие геополитические интересы Российской Федерации объективно диктуют обязательность максимального использования выгод от ее трансконтинентального расположения, чтобы реально и эффективно контролировать многие транспортные коммуникации, связывающие Азию и Европу.

Геополитическая стратегия России в Евразии

Чрезмерная активизация интеграционных процессов в Евразии представляется в обозримой перспективе маловероятной, и поэтому Российская Федерация должна выстраивать собственную геополитическую стратегию, в полной мере учитывая долгосрочные российские национальные интересы. Долгосрочные национальные интересы России в формирующейся новой Евразии вполне очевидны в свете выстраивания логистических цепочек, включая последовательное ускорение работ по обустройству транспортного коридора Север—Юг, соединяющего российскую территорию с Ираном и далее выдвигающегося в Индию. Но у России есть и долгосрочная цель, суть которой не консолидировать Евразию, что абсолютно бессмысленно даже в рамках той ее части, как, например, Евразийский экономический союз, а постепенно налаживать интеграционные связи с каждой конкретной евроазиатской страной. В этом смысле помощь в укреплении суверенитета государств Евразии последовательно становится для Российской Федерации основной геополитической задачей, ибо именно такой подход позволяет Москве не допускать стратегических уступок коллективному Западу в его откровенном стремлении активно противодействовать наращиванию совокупной военно-политической мощи России и Китая [Mattis, p. 4]. Абсолютно понятно, что приверженность КНР геополитическому взаимодействию с РФ зависит от военно-политической состоятельности Москвы, которая зиждется прежде всего на российском превосходстве в новейших видах вооружений, являющихся сегодня главным аргументом в борьбе за региональное лидерство в «Большой Евразии».

Особенности геополитического фона российско-китайских отношений сегодня стимулируют стремление США доказать свое глобальное лидерство, прежде всего в военной сфере, а это теперь не всегда получается, поскольку в Вашингтоне крайне неадекватно оценивают своих главных стратегических оппонентов. США последовательно стремятся противодействовать вызревающему неформальному альянсу Москвы и Пекина, исходя прежде всего не из рациональных причин, а скорее в силу переполняющих США геополитических интересов.

литических амбиций. Абсолютно понятно, что Российскую Федерацию и КНР объединяет такая же общая психологическая антипатия к Вашингтону, причины которой, тем не менее, во многом разнятся, но в основе своей имеют принципиальное неприятие «исторических выскочек» и стремление последовательно выступать против американской гегемонии и диктата на международной арене [Resch, p. 11]. В Евразии Россия обладает ключевыми конкурентными преимуществами, состоящими в возможности контролировать кратчайший путь из Азии в Европу на новом витке развития. Вместе с тем, Российская Федерация последовательно ищет дополнительные надежные геополитические позиции в разных частях евроазиатского континента с учетом ее долгосрочных целей, ориентированных на преодоление санкционных мер со стороны коллективного Запада с помощью как «мягкой силы», так и традиционной «твердой» военной силы.

Древняя китайская мудрость гласит: *«если хотите победить врага малой кровью, воспитывайте его детей»*, то есть современное российское государство должно бросить все имеющиеся силы и возможности на эффективное противодействие попыткам коллективного Запада разложить наше молодое поколение. Сейчас для России наступил тот самый момент истины, когда жизненно важно переломить сложившуюся ситуацию и отказаться от графоманского написания формальных документов по поводу некой «новой» комплексной стратегии развития российского государства и последовательно приступить к реализации конкретных шагов в направлении воспитания устойчивого большинства в российском народе, для которого национальные интересы страны не являются отвлеченным понятием. Что касается Евразии, то следует жестко придерживаться аксиомы, суть которой в следующем: *«где когда-нибудь в прошедшей истории поднимался российский флаг, там зона наших геополитических интересов остается навсегда»*. Для России в настоящее время геополитическая ситуация остается исключительно острой, поскольку коллективный Запад пытается вытеснить нашу страну из ключевых экономических сфер, разжигая на периферии Евразии долговременные управляемые конфликты [Kosaka, p. 54]. США повсеместно навязывают российскому государству жесткую борьбу за важнейшие логистические

коридоры, прежде всего вокруг евроазиатского континента, а это неизбежно приведет к снижению российского влияния при формировании новых центров хозяйственного роста. Вместе с тем, сегодня у России имеются значительные возможности для геополитического маневрирования в Евразии, где востребованность Москвы в качестве серьезнейшего независимого стратегического игрока последовательно возрастает. Однако для устойчивости данной тенденции необходимо достижение внутривосточного общественного консенсуса в самой России.

Российская государственность в современных условиях вряд ли способна развиваться без восстановления ее естественных исторических границ, обусловленных естественным природным ландшафтом. Именно, исходя из данной объективной стратеми, становится вполне объяснимым внешнеполитический курс Российской Федерации, направленный на интеграцию или союзнические отношения в рамках «Большой Евразии». По многим имеющимся формальным признакам Россия вступает в период нарастающих негативных геополитических ожиданий, постоянно подкрепляемых усугублением асимметрии развития страны, что будет, похоже, носить труднопреодолимый характер [Ferrari, p. 15]. С проблемой целостности российского государства как многоэтнической сущности окружающему миру приходится иметь дело достаточно давно, что постоянно приводило к попыткам добиться от населения России согласия на единую европейскую идентичность. Развитие традиционных ценностей всегда связано с политикой как одной из производных культуры, являющейся отражением нравственного и религиозного опыта народа, а не объектом действия социальных сил, и в данной связи российское государство выступает как средоточие всех индивидуальных устремлений на общей евроазиатской территории.

Традиционные ценности в России представляют собой систему правил и образцов поведения, которыми руководствуется весьма многочисленная и достаточно стабильная группа населения, передающая эти правила из поколения в поколение. Сегодня идея формирования Россией на евроазиатском пространстве некоего неформального объединения государств, ориентирующегося на согласование политических, экономических, военных, гуманитарных и

культурных связей, становится все более востребованной, поскольку в той же Евразии традиционные ценности за редким исключением не подвергаются сомнению и, как правило, всегда закрепляются на государственном уровне [Chen, p. 121]. Во многом этому активно способствует акцент российских традиционных ценностей на приоритете духовного над материальным, и этот приоритет носит базовый, фундаментальный, системообразующий характер, когда цитата из Дж.Р. Кипплинга: «*Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись*» в России опровергается самой историей нашего государства — мы уже давно сошлись. Россия благодаря ядерному паритету с США полностью обеспечила себе, а также соседним евроазиатским государствам, сохранение реального суверенитета, что абсолютно исключает возникновение по периферии континента любого конфликта.

В обозримой перспективе важнейшим представляется так называемый «украинский вопрос», который для России выглядит как наиболее опасное направление сложной евроазиатской геополитики, поскольку невоюющая с Москвой Украина Вашингтону попросту не нужна, а значит, России в первую очередь необходимо выстроить вокруг беспокойной территории «незалежной» плотную систему комплексной безопасности, когда весьма «горячий киевский борщ» будет вариться исключительно внутри, постепенно распадаясь на отдельные более мелкие компоненты, становящиеся полностью готовыми к самоопределению.

Новая роль российского государства в Евразии

Борьба за контроль над евроазиатским континентом предопределяет будущую геополитическую ситуацию в мире. Главная цель российского государства в XXI в. — стать лидером на пространстве Евразии, синтезировав разные культуры и системы ценностей, чтобы тем самым попытаться избежать противостояния Востока и Запада на новом витке развития. В России всегда была важна восточная ойкумена, поскольку только такой мировоззренческий подход определяет российскую государственность не как замкнуто националь-

ную, но в качестве глобально ориентированной модели развития с целью воссоединения человечества. Российская государственность объективно представляет собой результат создания некоей соединяющей среды». Великий русский философ И.А. Ильин утверждал: *«Россия не могла и не должна никогда становиться путевой, торговой или культурной баррикадой, так как ее мировое призвание остается, прежде всего, связанным с творческим посредничеством между народами и культурами, а не с замыканием или препятствованием данному процессу»* [Ильин, с. 140]. Слово России должно примирять Восток и Запад, а это задача космического масштаба, влекущая за собой попытку восстановления гармоничного единства мира, уже тысячелетия расколотого на две половины, но все еще нуждающегося в создании нового человеческого типа, опирающегося на лучшие черты Востока и Запада [Meister, p.4].

Российская государственность нескольких последних десятилетий представляет собой настойчивую попытку направить экстенсивное хозяйственное развитие по пути интенсивной производительной экономики, позволяющей многоэтническому населению страны сложиться в единый народ. Государственность в России представляет собой более широкое понятие, чем собственно государство, поскольку речь идет о принципах и идеологии властвования, то есть государственность следует рассматривать как отношения между верховной властью и народом, как набор способов решения государством проблем, исторически вызревающих в процессе развития российского общества. Коренные черты российской государственности определяют реальную необходимость полностью учитывать специфику следующих взаимосвязанных феноменов: государство, общество, гражданин. И это ставит в повестку дня вопрос о том, каким образом связаны государство (организация политической власти в обществе) и государственность (целостная система идей и взглядов, используемых в организации и деятельности самого государства). По сути дела, Россия представляет собой военную империю, формировавшуюся на континенте Евразия в течение пяти веков, имевшую весьма эффективную идеологию, преемственно вырабатывавшуюся русским государством, что позволило России навсегда избавиться от попыток внешнего завоевания и устойчиво контролировать самую большую и

самую богатую территорию мира [Nakamada, p. 17]. Исходя из данного постулата, русская государственность и в обозримой перспективе должна служить делу становления и последующего развития многоэтнической и многоконфессиональной цивилизации Российской Федерации как основы сохранения евроазиатского пространства.

Идеология российского государства на континенте Евразия объективно должна преследовать в качестве основной цели нахождение некой золотой середины между традиционными ценностями и достижениями технологического прогресса, что предопределяет дальнейший путь развития нашей страны в направлении евроазиатской интеграции на базе конструктивного альянса цивилизационных приоритетов и незыблемых традиционных духовных принципов. Цивилизационные приоритеты на евроазиатском континенте в своей основе сводятся к национальным целям устойчивого развития практически каждого расположенного здесь государства, стремящегося продемонстрировать историческую преемственность в реализации общих геополитических задач прошлого, настоящего и будущего [Pizzolo, p. 335]. Следует подчеркнуть, что Российская Федерация в настоящее время формируется в качестве цивилизационного сообщества, отвечающего интересам глобального пробуждения идентичности народов, которое становится ключевым императивом международных отношений и служит созданию реальных полноформатных механизмов стратегического взаимодействия между странами. Безусловно, Россия стремится поддерживать и даже целенаправленно выстраивать определенный образ мироздания, но основанного не на некой искусственной идентичности, а ориентированного на содействие развитию мира как всечеловеческого солидарного космоса в его разнообразных и неповторимых вариантах.

Библиографический список

Ильин И.А. Путь духовного обновления. Книга 43. «Русская Библиотека». Белград, 1937 г. 248 с.

Кодзаки Акиёси. Юрасиа рэнго косо но тэнбо то кадай : [Перспективы и задачи проекта Евразийского союза] // Кэйдзай ронсю (Токио) : [Экономические дискуссии (Токио)]. 2019. Т.12. С.13—29. (На яп. яз.).

Косака Хироюки. Юрасиа кэйдзайкэн : [Евроазиатский экономический район] / Сого сэйсаку кэнкюсё, Хитоцубаси дайгаку : [НИИ общей политики. Университет Хитоцубаси]. Токио, 2019. С. 45—61. (На яп. яз.).

Сюй Хунфэн. Чжунэ хэцэо : [Китайско-российское сотрудничество] // Оя цзинци (Бэйцзин) : [Экономика Евразии (Пекин)], 2017. С. 88—103. (На кит. яз.).

Хакамада Сигэджю. Росиа-ни окэру дайкокусюги но фуккацу : [Оживление в России национализма крупной державы] / Нихон андзэн хосё бёэки гаккай. — Ниигата: Ниигатакэн дайгаку. «Экусупэруто» : [Японский центр по проблемам обеспечения безопасности внешней торговли. Университет Ниигата. Издание «Эксперт»]. 2014. No 13. С. 14—22. (На яп. яз.).

Чэнь Цзюан. «И дай, и лу» шиюй ся : [«Один пояс, один путь» с региональной точки зрения] // Оя цзинци (Бэйцзин) : [Экономика Евразии (Пекин)]. 2019. No 6. С. 116—12. (На кит. яз.).

Ferrari Aldo. Russia and China: anatomy of a partnership. — Milano-Italy: Ledizioni Publishing, 2019. 141 p.

Graham Thomas. U.S. Policy toward Eurasia. The Aspen Institute Congressional Program. Prague, 2019. 85 p.

Libman Alexander. Eurasian Integration: Challenges of Transcontinental Regionalism. Personal RePEc Archive. Paper No.61639. Munhen, 2015. 29 p.

Luks Leonid. Eurasien aus neototalitärer Sicht. Totalitarismus und Demokratie, No. 1. Universität Köln, 2020. S. 63—76.

Mattis Jim. National Defense Strategy of the United States of America. Department of Defense. Washington DC, 2018. 11 p.

Meister Stefan. Rußlands neue Außen- und Sicherheitspolitik. Deutschen Gesellschafts für Auswärtige Politik. Berlin, 2018. No. 12. 7 s.

Pizzolo Paolo. Eurasianism: An ideology for the multipolar world. — Milano: Libera universita' internazionale degli studi sociali publishing, 2017. 543 p.

Resch Rene. Handelskrieg: China mit Gegenmaßnahmen gegen USA // Die Welt (Berlin). 2020.

References

Chen Jiyong (2019). “Yi dai, yi lu” shiyu xia [“One belt, one way” from regional point of view], *Ouya jingji [Eurasian economy]*, no.6: 116—122. (In Chinese).

Ferrari, Aldo (2019). Russia and China: anatomy of a partnership, *Milano-Italy: Ledizioni Publishing*, 141 p.

Graham, Thomas (2019). U.S. Policy toward Eurasia, *Prague: The Aspen Institute Congressional Program*, 85 p.

Hakamada, Shigeju (2014). Rosia-ni okeru daikokushugi no fukkatsu [The revival of big power nationalism in Russia], *Nihon anzen hosyo boeki gakkai. Niigataken daigaku. "Ekusuperuto" [Japanese center of international trade security. University of Niigata. "Expert publishers"]*, no.13: 14—22 p. (In Japanese).

Ilyin, I.A. (1937). Put' duhovnogo obnoveniya. Kniga 43 [The path of spiritual renewal. Book 43], *Belgrade: «Russkaya Biblioteka» ["Russian Library"]*, 248 p.

Kosaka, Hiroyuki (2019). Yurasia keizaiken [Eurasian economic area], *Sogo seisaku kenkyusyo, Hitotsubashi daigaku [The Institute of general policy, University of Hitotsubashi]*: 45—61. (In Japanese).

Kozaki, Akiyoshi (2019). Yurashia rengo koso no tenbo to kadai [Perspectives and Tasks of the Eurasian Union Project], *Keizai ronsyu [Economic discussions]*, vol. 12: 13—29. (In Japanese).

Libman, Alexander (2015). Eurasian Integration: Challenges of Transcontinental Regionalism, *Munich Personal RePEc Archive*, Paper No. 61639, 29 p.

Luks, Leonid (2020). Eurasien aus neototalitärer Sicht. Totalitarismus und Demokratie, *Universität Köln*, no 1: 63—76. (In German)

Mattis, Jim (2018). National Defense Strategy of the United States of America, *Department of Defense*, 11 p.

Meister, Stefan (2018). Rußlands neue Außen- und Sicherheitspolitik, *Deutschen Gesellschafts für Auswärtige Politik*, no12, 7 s.

Pizzolo, Paolo (2017). Eurasianism: An ideology for the multipolar world, *Libera universita' internazionale degli studi sociali publishing*, 543 p.

Resch, Rene. Handelskrieg (2020). China mit Gegenmaßnahmen gegen USA, *Die Welt*: 11.

Xu Hongfeng. Zhonghe hezuo [China-Russia cooperation], *Oya jingji [Eurasian economy]*, no 1: 88—103. (In Chinese).